СКВОЗЬ СЕБЯ

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ОДИН *здесь*

СТАНИСЛАВ ОУШЕН

Станислав Оушен

Один здесь

«Автор»
2026

Оушен С.

Один здесь / С. Оушен — «Автор», 2026

Вера заказала два кофе и написала сестре, что уже ушла. Когда Лида вошла в кофейню, Вера наклонилась к сумке и дала ей уйти.Через несколько дней им предстоит вернуться сюда на фотовыставку, которую готовит Ника, дочь Веры. В одном из конвертов Ника находит старый снимок бабушки Зои и узкую полоску фотобумаги. Стоит соединить края, и на столе появляется вторая чашка, а у блюдца — чья-то рука. К открытию выставки Нике нужно решить, какой снимок повесить. Вере — о чём спросить сестру, если та на этот раз сядет рядом.

© Оушен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Четверг 5
Глава 1. Один здесь 5
Глава 2. С краю 8
Глава 3. Не по фамилии 12
Пятница 15
Глава 4. Между чашками 15
Глава 5. Низкое разрешение 18
Глава 6. Запас 22
Глава 7. Шесть маленьких 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Станислав Оушен
Один здесь

Четверг

Глава 1. Один здесь

— Вам оба с собой?

— Один здесь.

Бариста снял крышку с ближайшего стаканчика. Вера тут же надела её обратно.

— Этот с собой. Здесь — другой.

Он переставил стаканчики. На одном чёрным маркером было написано «Вера», на другом — «без сах.». Сахар она перестала класть в кофе после того, как начала пить его с Лидой. Сама Лида уже года два сыпала по два пакетика и говорила, что ей можно, потому что жизнь короткая. Вера всё равно всегда заказывала ей без сахара. Чтобы был повод сходить за пакетиками, если разговор не пойдёт.

У окна освободился стол. Вера сняла с соседнего стула чужую салфетку, убрала сумку с сиденья и поставила второй стаканчик напротив себя. На телефоне было сообщение, отправленное восемь минут назад.

«Если уже ушла, я пойму».

Она набрала «Ушла» и отправила. Потом прижала ладонь к чужому стаканчику. Кофе был ещё горячий.

В десять у неё была примерка. До ателье восемь минут, если на переходе не застанет красный. Сейчас девять семнадцать. Она могла просидеть здесь ещё полчаса и успеть открыть, проверить утюг и съесть что-нибудь над раковиной. В ателье она всегда ела над раковиной, хотя там были три стула и стол длиной почти два метра.

За окном разгружали хлеб. У водителя между лопаток темнело мокрое пятно, а женщина, которая принимала лотки, стояла в расстёгнутом пальто и курила. Вера увидела, как та сунула ему сигарету прямо в рот, потому что руки у него были заняты. Он наклонился. От этого простого движения у Веры весь рот вдруг стал мокрым.

Она отодвинула стул и пошла за сахаром.

— У вас по четвергам всё так рано? — спросила она бариста.

Он посмотрел на настенные часы. На них не было минутной стрелки. Кто-то повесил бумажный ценник на гвоздик, и теперь часы показывали одно и то же среди дня и среди ночи.

— Это у вас рано, — сказал он. — У меня уже середина.

Его звали Кирилл. Она знала, потому что накануне он вышел из-за стойки принимать коробку и расписался, положив накладную на её стол. Сегодня у него на предплечье была полоска светлой кожи: часы он снял и оставил рядом с кофемолкой. Вера заметила это и рассердилась на себя. Когда ей было двадцать, она думала, что к сорока научится смотреть на людей целиком.

— Сахар кончился? — спросила она.

— Белый там, коричневый здесь. Какой нужен?

Взяла оба. Вернувшись, открыла переписку. Лида прочитала, галочки посинели. Ответа не было.

Они договорились встретиться вчера, когда мать в третий раз позвонила Вере насчёт снимка. В первый раз сказала: «Забери у Лиды, я хочу поставить возле кровати». Во второй

добавила: «Только пусть не заказывает новую рамку». В третий выяснилось, что Лида обещала отдать снимок Нике для выставки в кофейне.

— Пообещай, что вернёшь, — сказала мать.

— Ты ей сама разрешила взять?

— Я разрешила сделать копию. Посмотришь, что они там сделали?

Вера любила мать. Она ещё любила тот короткий звук в телефоне, когда мать уже положила трубку, а Вера оставалась с ней у уха. В эту секунду от неё впервые за разговор ничего не требовалось.

Она посмотрела на кошелёк и вспомнила, что Лида всё равно придёт. В кофейне была Никина коробка для фотографий. На ней дочь написала: «Принимаю до пятницы, 18:00. Оригиналы верну». Снизу дописала другим цветом: «На этот раз точно». Почерк у неё оставался такой же, как в школе. Буквы влезали на строку, а конец слова иногда висел сбоку.

Вера поднесла стаканчик к губам. Кофе остывал быстро, пока она сидела у окна. Над дверью щёлкнул доводчик. Вера взяла телефон, хотя он молчал.

Первым зашёл мужчина с рюкзаком. За ним Лида, без шапки, с мокрыми волосами у висков. Вера видела её через стеклянную перегородку: та остановилась возле кассы, вынула из сумки конверт и приподнялась на носках, чтобы Кирилл её заметил.

Можно было встать. Она даже подвинула ногу, чтобы вылезти из-за стола. Лида повернулась к окну, и Вера успела наклониться к сумке. Под столом она нашла две булавки и чек недельной давности. На чеке был пробит пакет, от которого она у кассы с раздражением отказалась.

Когда Вера подняла голову, Лида уже придерживала дверь мужчине с рюкзаком. Тот благодарил её дольше, чем требовалось. На улице сестра запахнула куртку, пригладила волосы и ушла в сторону остановки.

Вера вскрыла оба пакетика сахара и высыпала в остывший кофе.

— Девушка вам ничего не передала? — спросила она, когда Кирилл подошёл протирать соседний стол.

— Какая?

— Которая сейчас была. С короткими волосами.

Он оглянулся, словно девушка могла оказаться у него за плечом.

— Конверт для Ники. Я положил в коробку.

— Я её мать.

— Я знаю. Она вчера предупредила, что за ним придут.

Он сложил тряпку вдвое, вытер мокрый край стола и ушёл за стойку. Вера допила кофе. Ко рту прилип кусок бумажной салфетки, которой она вытирала крышку. Она долго не могла снять его с губы и ушла в уборную за зеркалом.

У двери она вспомнила про второй стаканчик. Забрала его с собой. Пока шла к переходу, написала Лиде: «Ты всё-таки зашла?» И стёрла, прежде чем отправить.

В ателье позвонили в девять пятьдесят одну. Клиентка стояла на улице и уже начала мёрзнуть. Вера открыла дверь, повесила её пальто на крючок и передала ей кофе. Та обхватила стаканчик ладонями, улыбнулась и спросила, чем заслужила.

— У меня случайно два оказалось, — сказала Вера.

Клиентка попросила сахара. На дне коробки для ниток нашёлся один пакетик, надорванный сбоку. Вера отдала его вместе с блюдцем, на котором обычно держала мел.

* * *

В четверг в старом здании театра освободили один этаж. Соня уже принимала ключи, подписывала скотчем наборы и вдруг увидела на столе пакет с её именем. Внутри лежала чистая банка, от которой шёл запах кофе. Кто-то положил в неё две клеммы и моток тонкого провода. На дне поверх проводов была круглая салфетка с отпечатком чашки. День начался

привычно, с десяти людей, называющих друг друга по имени через дверь. Чтобы не отвечать на зов, Соня вышла с банкой туда, где раньше ставили чайник.

Там сидела Клара Павловна. Она принесла маленький электрический чайник, приспособила его к розетке и варила яйца прямо в кружке, потому что большая кастрюля исчезла во время переезда. Увидев Соню, вынула одно яйцо, положила на блюдце.

— Чай потом. Сначала съешь что-нибудь.

Соня села. Яйцо было горячее; пришлось катать по блюдцу тыльной стороной ладони. Клара Павловна смотрела, сколько времени это занимает, потом сама взяла и ударила о край. Открыла дверь, чтобы вытряхнуть скорлупу в корзину. За дверью в длинном коридоре стояла Марта. В руках голая рамка от старой афиши. Она не хотела входить, потому что слышала женские голоса. Соня это поняла и всё равно позвала.

— Иди, — сказала она. — Тут сейчас будет пусто.

Марта подошла. Вместе посмотрели на рамку. На внутреннем углу был след от синей изоленты. Марта спросила, можно ли выломать гвоздь, чтобы Ника не порезала палец. Клара Павловна завернула в пакет уже второе яйцо, отдала Марте и сказала:

— Идите обе, если вы ещё и этими фотографиями занялись. И когда будут вешать, сидите просто в зале. Я от вас работы в воскресенье не требую.

Соня подумала, что Клара Павловна тут всю жизнь говорит «просто», когда именно простого и не получается. Пойти на выставку и не считать голоса, не проверить, где расположен усилитель, не встать, чтобы всё сделать быстрее. Как только Соня села бы в зале, ей стали бы звонить. А если не звонят, она сама начинала искать повод кому-нибудь помочь.

— Мне надо ещё одну плёнку переслушать, — сказала Марта.

Клара Павловна посмотрела на неё.

— Ты из готовых бери. Трафарет на первом стеллаже, внутри бывает ещё бумажка. Поди пойми, когда она туда попала.

Марта пошла. Соня увидела, что яйцо она так и унесла в сжатой ладони. Это было хорошо хотя бы потому, что раньше она любила приходить с вопросом, убивать весь обед поисками и уходить снова голодной.

Клара Павловна вылила воду. Соня открыла свою банку, переставила провод. Внизу просвечивали четыре крошечных цифры, написанные на кусочке плотной белой ленты. На карточках для театральных фото в подписи иногда оставляли цифры вместо имени: начало, конец, номер выхода. Люди спустя двадцать лет думали, что цифра — это возраст, потом сравнивали с датой и решали, кто задел снимок до них. Соня взяла телефон и сфотографировала ленту. Снимок тут же отправила в рабочий чат. Ответила Ника, она раньше уже помогала смотреть подписи:

«Я такую же вижу у бабушки в ящике».

Соня напечатала вопрос, у какой бабушки. Исправила на «А когда в последний раз видела?». Ника написала, что прошлой весной, возле гвоздика, которым держали раму. Соня положила телефон. Много чего в прошлом году было приколото гвоздём и отодвинуто от света. У неё самой под подоконником торчала старинная фотография матери, на которой ни одной цифры не было. Если кто-нибудь вдруг увидит, всё равно не поймёт, кто снял. Соня могла бы сказать. В то лето фотоаппарат стоял на штативе, сама она лежала на полу, чтобы мать не оборачивалась на щелчок.

— Ты банку понесёшь? — спросила Клара Павловна.

Соня вышла с банкой и вернулась за вторым яйцом. В коридоре Марта пыталась выпрямить гвоздь для рамки. Соня предложила плоскогубцы. Марта подняла свои. Клара Павловна засмеялась.

Глава 2. С краю

В четверг к обеду Лиде удалось сверить сорок три табеля и узнать, что её бывший муж купил велосипед. Он прислал ей три фотографии. На первой велосипед стоял у стены, на второй он сам держал его за руль, на третьей в углу виднелась чужая ступня в тапке. Лида увеличила снимок. Тапок был мужской, огромный. Она всё равно спросила, кто фотографировал.

«Сам. С таймером. Это моя нога в зеркале».

Она проверила. За колесом действительно шла полоска зеркала. Лида отправила большой палец и тут же захотела написать, что он придурок. У них всегда так бывало, когда оба были довольны.

На работе обедали по очереди, потому что из комнаты с микроволновкой было слышно звонки, а звонки полагалось брать. Лида дождалась, пока Света разогреет свой плов, оставила ей телефон и вышла на улицу. Оттуда набрала Нику.

— Конверт у тебя?

— Я ещё не заходила. А что внутри?

— Фотография. Большая, чёрно-белая. Бабушка за столом. Из её комнаты.

— Которая в рамке?

— Уже без. Там снизу ещё бумажка. Разворачивай на столе, край хрупкий.

Ника пообещала. Потом спросила, встретились ли они с Верой. При Лиде она называла мать по имени.

— Не успела, — сказала Лида. — Она торопилась.

В кофейне Лида увидела её сразу. Вера наклонилась так низко, что со спины было видно белую полоску белья над поясом. Сестре всю жизнь шли вещи, которые она сама считала простыми. Серая футболка, мелкие серьги, джинсы с растянутыми коленями. При этом она могла неделю перешивать жакет, чтобы рукав ложился чуть ровнее, и потом оставить его в шкафу. Лида иногда брала оттуда что-нибудь без спроса. Вещи эти ей шли хуже. Она носила их за это с особенным удовольствием.

— Бабушка попросила тебя ничего не резать, — сказала Лида в телефон.

— Я сканирую, тёть Лид. Это когда кладёшь фотографию на стекло и она остаётся той же фотографией.

— У твоей мамы тоже всё начинается со стекла. Потом она говорит, что можно чуть-чуть с краю.

На той стороне стало тихо.

— Это вы про фотографию? — спросила Ника.

— Да. Слушай, тебе нужен ещё один человек таскать стулья в воскресенье?

— Уже есть. Я позвала Кирилла.

— Он и так там работает.

— Вот именно. У него есть ключи и крепкие руки.

Лида прикусила внутреннюю сторону щеки. Ника сказала это совершенно ровно. В двадцать четыре Лида могла узнать, чьи руки крепкие, только при свидетелях либо в темноте. Через пять лет стала задавать вопросы. Ещё через пять ей надоело выслушивать ответы, в которых человек рассказывал про себя всё, кроме того, что её интересовало.

— Позови меня, если не хватит рук, — сказала она.

После работы она поехала к матери. Купила по дороге помидоры, зубную пасту и две губки, потому что на прошлой неделе мать показала ей чужую губку в общей кухне и спросила, какие люди способны мыть посуду таким. В комнате было душно. Мать сидела на кровати в домашних брюках с тугой резинкой, которую Вера обещала заменить. На подоконнике лежало три мягких груши.

— Ты пораньше, — сказала мать.

— Почти шесть.

Мать потянулась к часам. Очки лежали рядом, но она сперва наморщила лоб, будто могла заставить стрелки сделаться крупнее.

— А Вера будет?

Лида вынула помидоры из пакета. Один треснул у плодоножки. Она положила его отдельно и сказала, что Вера сегодня работает допоздна. Сказала легко, как будто действительно спросила.

Мать поднялась за ножом. Лида видела, как осторожно она ступает на левую ногу. Лида подняла руку и тут же опустила. В этой комнате мать была способна рассердиться на вытянутую руку сильнее, чем на боль. Лида заняла руки помидорами.

— Ты видела, что на снимке с краю? — спросила мать, возвращаясь.

— Рука, по-моему.

— Сколько рук?

Лида оторвала зелёную плодоножку.

— Мам, там твои две. И ещё одна, совсем немного, возле блюдца. Если тебя волнует, что Ника её обрежет, скажи ей сама.

— У неё всё красиво получится, — сказала мать.

Она протянула нож. Лида порезала треснувший помидор на четыре части. Мать положила одну на хлеб. Сок потёк по её пальцу, и она машинально подставила под него ладонь дочери. Лида подержала руку, пока мать не заметила, что сделала. Потом взяла салфетку.

— Если твой отец увидит, пусть увидит, — сказала мать.

Отец был Верин. Лида звала его Борисом, когда он её слышал. У матери дома он тоже был Борисом, пока кто-нибудь из девочек не делал что-то плохое. Тогда мать говорила: «Вот придёт отец». Борис возвращался, снимал ботинки и спрашивал, что на ужин. Они успевали помириться до его прихода примерно в половине случаев.

— Захочет — сам приедет, — сказала Лида.

Мать взглянула на неё с таким интересом, что Лида пожалела о сказанном. Она взяла пакет с помидорами и пошла мыть остальные, хотя никто уже не хотел есть.

На общей кухне сушились кружки. Возле окна кто-то оставил маленький букет. У одной гвоздики была надломлена головка, а другая раскрылась слишком широко. Нижние концы стеблей стояли в стакане из-под горчицы. Лида потянулась выбросить надломленный цветок и заметила, что его перевязали канцелярской резинкой, чтобы головка держалась прямо. Она поправила резинку и долила воды.

Из холодильника достала две миски. В одной был мамин творог. На крышке другой стояло чужое имя. Лида переставила обе ближе к дверце, чтобы мать не нагибалась.

Когда она вернулась, мать успела вытереть стол и достать из ящика телефон.

— Помоги мне написать Нике. Я сама ей скажу про фотографию. Где тут голосом?

Лида показала. Мать нажала кнопку и заговорила на всю комнату.

— Никуша, если там остался кусочек руки, оставь его, пожалуйста. Я знаю, что у тебя всё поместится.

Зоя отпустила кнопку, взяла с подоконника грушу и сунула Лиде в карман пальто. Лида прижала локоть к боку, чтобы не раздавить её.

* * *

В четверг Зоя дважды спускалась за одним и тем же письмом. В первый раз дежурная сказала, что письма ещё несут. Во второй вытащила из ящика пустой конверт и спросила: «Это вашему?» На конверте был прежний номер комнаты, а имя затёрлось. Зоя узнала свой старый адрес по необычной букве в названии улицы. Раньше почтальон всегда писал её с хвостом. Она

сама взяла конверт, повертела и нашла две дырки от кнопки. Кому-то его когда-то прикрепили к двери.

— Это я уже видела, — сказала Зоя.

Дежурная пожала плечами. Сняла очки, вытерла подушечку носа. Зоя могла спросить про другую комнату, ту, где окна во двор и никто уже не стучит по трубам утром. Вчера дежурная показывала, как включить лифт, если он остановится раньше времени. Зоя успела дойти от лифта до комнаты одна. Устала, а главное, обидно было, что наверху всё по-прежнему на месте и нет кого позвать, чтобы это заметил. Она хотела спросить, можно ли посмотреть комнату внизу, пока от неё не ждут согласия. Вместо этого сказала, что письмо заберёт потом.

У лестницы сидел мальчик. Сначала казалось, что он закрывает ладонями уши. Когда Зоя приблизилась, увидела, что он придерживает волосы на затылке, чтобы вытащить из них репей. Зоя присела, помогла вынуть. Мальчик взял репей, подержал перед глазами, положил на подоконник. Каждую минуту ему могли сказать, что пора домой, и тогда он опять не успеет дотронуться ни до одного репья. Это ему было известно с утра, когда мать завязала ему шарф и сказала, что на сегодня всё. Он ушёл не сразу. Зоя посидела с ним ещё чуть-чуть, потом он сам спросил, не холодно ли ей.

— Колену холодно, — сказала она.

Мальчик посторонился, показал, куда лучше поставить ногу. Зоя поставила, получилась опора. Мальчик живо поднялся, взял свой репей и побежал. Зоя держалась за железный поручень ещё примерно минуту.

Если прийти домой после лестницы, все вещи надо делать медленно. Снять обувь, унять ногу, поставить чашку, найти место, чтобы сесть. Обычно в эту минуту звонит Вера. Она должна звонить, ей всё время кажется, что вечером Зоя будет куда-нибудь идти и не возьмёт трубку. Сегодня телефон молчал. Зоя обхватила лодыжку пальцами, посидела, встала и прошла к окну. Отсюда двор было видно почти целиком. Возле угла мальчик поднял руку к свету и посмотрел, как просвечивает через репей.

Зоя отыскала старую пустую рамку. Лида утром забрала из неё снимок. С одной стороны отогнулась жестяная лапка. Зоя поправила её ногтем. Уборщица приходила сегодня с новой тряпкой, по поверхностям шли короткие светлые следы. Зоя поставила рамку вдоль одного из следов и набрала Веру.

В трубке сказали «Алло», как всегда говорят люди, которые хотят, чтобы сначала заговорил тот, кто позвонил. Зоя спросила про примерку. Дочь ответила, что клиентка хорошая, сама держалась за колено, пока Вера метила шов. Зоя сразу представила женские пальцы на ткани, зажатые так, чтобы не побелели. Потом рассказала про фотографию. В разговоре получилось сказать, что это маленькое дело. Вернуть снимок нужно к воскресенью. Вера пообещала, что всё сделает.

Когда разобрались со снимком, у Зои оставалось ещё что-то. Она не успела уже ничего сказать. Из трубки понёсся ровный гул машинки. Вера крикнула, что перезвонит. Зоя услышала, как игла несколько раз подряд ткнула ткань. Подумала, что у Веры сегодня платье в синий цветок, потому что про него она говорила ещё вчера. Села к стеклу и убрала телефон на подоконник так, чтобы края его не было видно с улицы.

* * *

В четверг Борис возил один стул между двумя домами. Стул был деревянный, низкий, без спинки. Под сиденьем со временем вылезла железная скоба, и он отнёс его к знакомому, чтобы скобу вытащить. Знакомый вытащил, заклинил ножку, не взял денег и сказал, что теперь лучше всего отдать стул тому, кто никуда на нём лезть не станет.

Изначально стул принадлежал Зое. Потом Вера забрала его в мастерскую. Долгие годы Борис видел его только тогда, когда заходил в ателье и Вера поправляла ему брюки. Стоило спросить у неё, кому стул сейчас нужен. Борис вместо этого поехал к дому Зои. На углу стоял

фургон, чей-то руль выглядывал сбоку под стеклом, поднятый почти вертикально. Водитель открыл окно, спросил, не поможет ли Борис придержать дверь подъезда. Борис взял стул под мышку и подержал. Из фургона постепенно вынесли застеклённый шкаф. Одна створка была закреплена синей лентой и всё равно шевелилась.

— У вас тут шумно, — сказал водитель, пока они ждали, что придёт человек с противоположной стороны и возьмёт за нижнюю ручку.

— В лифте громче, — сказал Борис.

Водитель улыбнулся. Борис видел его прежде, когда он привозил кое-что из мастерской для Зои. Тогда в ящике стояли цветы, и кто-то маркером написал «верх», потому что по крышке было трудно понять, с какой стороны открывать. Водитель стоял в одной шапке, а с рук у него капала вода. Борис держал дверь и всё ждал, когда тот объяснит, кому именно. Водитель спросил, живёт ли здесь Нина, и Борис, почти уверенный, что речь о Зое, показал вверх. Потом сам сходил за Ниной. Она взяла коробку обеими руками, попросила приоткрыть крышку, проверила, что цветы в воде, и понесла к себе. Он не спросил, чей заказ. За час до этого видел, как Зоя засовывает свой единственный букет между рамой и пачкой печенья, чтобы не опрокинуть.

Сегодня водитель узнал его. Они подняли шкаф на две ступеньки, а потом пришёл второй человек и перехватил. Борис прошёл на лестницу со стулом. Там, где было светло, вытер его ножки бумажным платком. На одной ножке опять выступила смола. Борис долго тёр, потом прикрыл пятно чистым краем, чтобы не испачкаться сам.

Зоя на звонок не ответила. Ему было известно, что если нажать ручку и не войти сразу, петля тихо подаст голос только через секунду. Так они проверяли, дома ли кто-нибудь, когда Ника ещё не доставала до звонка. Борис подошёл. Из-за двери донеслось женское «добавь ещё каплю» и шум воды. Он не узнал голос, поэтому решил, что у Зои кто-то есть.

Поставил стул возле двери. Сел на него, чтобы не держать руками. Кнопка звонка была обычная, прозрачная, внутри видно головку винта. Голубой огонёк её давно перегорел. Он мог просидеть здесь сколько угодно. В старом доме Зоя выходила на площадку, если знала, что кто-нибудь сидит. Она сначала протягивала руку и придерживала дверь, чтобы та не захлопнулась. Только потом поднимала голову. Борис любил это больше всего — долю секунды, пока она держала дверь и ещё могла сказать, что пропускает любого.

Снизу поднималась Нина. На плече сумка, руки завернула в другую кофту. Борис поднялся раньше, чем она вышла на прямую.

— Ты за Зоей? — спросила Нина.

— Стул отремонтировал. Можешь занести, если надо.

Нина посмотрела на стул, потом на дверь. Сказала, что она в магазин. Борис предложил дождаться её здесь. Она ответила, что может идти сколько угодно, у неё сегодня нет ничего срочного. Борис слегка сдвинул стул, чтобы пропустить. Нина остановилась рядом. В зелёном оконном отблеске на её щеке было видно несколько серых капель. Снаружи вроде бы сухо. Он протянул салфетку. Нина только тогда подняла руку, вытерла лицо, скомкала салфетку и унесла.

Борис всё-таки постучал. Зоя за дверью спросила «кто?», и он ответил своим именем. Потом услышал, как её тапки останавливаются у кровати. Она стояла там, пока не открыла.

— Стул, — сказал он.

— Неси на кухню.

Чтобы ножки не задели угол, Борис прижал стул к груди. Зоя развернула его за локоть и пропустила на кухню. Он поставил стул там, где она показала, и сел проверить, качается ли. Зоя уже наливала чай. Остатки старой ножки он вымел под газету и унёс с собой.

Глава 3. Не по фамилии

Утром в четверг в табелях стояло сорок четыре фамилии. К обеду осталось сорок три. Лида сама убрала одну строку из расчёта, потому что женщина из вечерней смены успела забрать заявление. Теперь надо было вернуть строку, и именно здесь программа упрямо требовала основание. Женщина сидела напротив, положив на колено правую руку. Левой перебирала бумажные купюры, хотя Лида до сих пор ничего ей не выдала.

— Напишите, что передумала, — сказала она.

— Это и так понятно.

— Вам понятно, а им нет.

Лида посмотрела на большой гвоздь возле двери. На гвозде висела пустая папка, в которой когда-то носили заявления. Сейчас заявления хранились в двух местах, а папка сохранилась, потому что загнутый край прикрывал дырку возле дверной ручки.

— Я не могу отдать вам заявление после регистрации, — сказала она. — Вы можете написать ещё одно. Кому сказать, что вы в пятницу выйдете?

Женщина убрала купюры. На свету показалось, что две она намеренно смяла, остальные сложила аккуратно. Лида дала ей чистый листок. Женщина написала сверху свои имя и фамилию. Поставила дату, посмотрела на Лиду и сказала:

— Вы ведь могли сделать вид, что меня сегодня не было. Спасибо.

У Лиды открылась папка на экране. Она не поняла, за что именно ей сказали спасибо. Взяла у женщины листок, проверила, чтобы подпись внизу не уплыла за рамку. Женщина уже в проходе позвонила кому-то и тихо сказала, что будет вечером. Лида слышала только время, без имени.

В полседьмого, после матери, Лида села в трамвай и проехала одну остановку до дома Аркадия. Он жил в том же квартале, где они жили вместе, только в доме с дверью со двора. В темноте туда шли мимо пустых детских качелей. Их мастера вывезли и заменили в середине августа. С тех пор они скрипели ещё громче. Лида села на мокрый край, чтобы дописать сообщение.

«Покажи мне этот велосипед вживую».

Отправила. У зеркального окна на первом этаже двое детей толкали диван к стене. Один стоял на подушке, второй тащил её из-под него. Лида уже решила, что сейчас кто-нибудь полетит вниз головой, но первый присел и обнял второго за плечи. Подушка медленно выехала из-под ног. Потом в комнате выключили свет.

Аркадий ответил, что ещё на работе. «Ключ у тебя есть. Можешь зайти».

Лида вытащила из сумки ключницу и нашла его ключ под синей биркой и старым жетоном. У дверей на секунду задержалась. Она могла зайти и оставить записку. Могла позвонить с улицы, чтобы ему пришлось выйти позже. Войти без него оказалось проще всех придуманных вариантов. Она зашла, не включая большой свет, прошла по коридору, сняла с руки мокрую шерстяную варежку и положила её рядом со своей старой чашкой.

Велосипед стоял между стеной и обеденным столом. Под ним на полу разложили газеты, вокруг педали лежала одна отломившаяся щепка. В комнате пахло резиной, сухим хлебом и порошком, которым Аркадий теперь стирал. Лида села на табурет. Сняла ботинки. Пользуясь тем, что никто её не видит, вытянула ноги под стол и положила ступни на нижнюю трубу рамы. Велосипед тихо двинулся и упёрся ручкой в стену.

Ей хотелось увидеть, как сидит на велосипеде Аркадий. Как он наклоняется, чтобы поставить ногу на педаль, и рубашка чуть выходит из-под ремня. Ей хотелось добраться пальцами до его живота, туда, где он сам щекотался и никогда не признавался. Ещё хотелось сунуть ключ

в ящик и уйти, чтобы к моменту его возвращения в комнате остался один тёплый табурет. Всё это уместилось в короткое время, пока она добиралась до пола одной босой пяткой.

На холодильнике магниты держали три листка. Один был из веломастерской. На обороте шариковой ручкой написали два номера. Один — её бывший, который она давно перестала оплачивать. Другой заканчивался на 43. От Аркадия она ждала привычки записывать номера только в телефоне. Магниты он терпеть не мог, потому что от них оставались царапины. Сейчас первый листок закрыл сразу две.

Ей захотелось заклеить свой номер бумагой. Отклеила листок и посмотрела, что под ним. Там была ещё одна записка, которой она никогда не видела. Аркадий записал даты, когда брал велосипед у соседки. Первая — ещё в январе. Тогда Лида просила его вместе доехать до матери, потому что было скользко, а он написал, что у него завал и пусть она вызовет машину. Она прижала листок обратно к холодильнику. Одна половина его загнулась. Она прижала и её. Хотела, чтобы ничего не было заметно.

Аркадий пришёл в восемь с пакетом салата. Увидел второй ботинок и запнулся о первый. Выпрямился и поставил салат на стол.

— Привет.

— Привет.

Он отодвинул велосипед на несколько сантиметров. Лида расправила газету под колесом. Они вместе сделали мало места там, где прежде могли сидеть четверо. Аркадий разорвал пакет по шву и сразу вспомнил, что ножницы рядом. Он открыл ящик, в котором лежали приборы, и остановился: ножницы уже были у Лиды в руке.

— Ты помнишь, где что, — сказал он.

— Пока не всё поменял.

— Так-то я много чего поменял.

Лида повернулась к холодильнику. Он проследил за ней глазами. Ничего не сказал про листки, достал из дверцы сметану и поставил на стол. В крышке было продавлено маленькое углубление. Салат оказался таким холодным, что она чувствовала яблоко только к третьему укусу.

— Я думал, ты придёшь днём, — сказал Аркадий.

— Днём я работаю.

— Сегодня? Чуть не забыл.

Она стала объяснять, почему сегодня была на работе. Потом замолчала. Они давно начали разговаривать так, чтобы случайно не выяснить, что кто-нибудь ждал. Когда у них это получалось, день считался нормальным. Лида посмотрела на газету. Её ступни были чистыми, а наружная сторона мокрой варежки успела подсохнуть и потемнела снизу.

— У Ники в воскресенье выставка, — сказала она.

— Она мне написала.

— А мне не сказала, что тебе написала.

— Про столы спросила. Я думал, ты знаешь.

Он сказал «думал» совсем спокойно. Лида могла спросить, придёт ли он с кем-нибудь. Могла сказать, что не знает, как там быть, если сойдутся они оба, Борис, Зоя и Вера. Для первого вопроса надо было чуть больше смелости. Для второго — просто досидеть до момента, когда станет холодно, и он опять предложит задвинуть форточку.

— Ты на велосипеде ещё по льду выезжаешь? — спросила она.

Он посмотрел на неё медленно, сначала в глаза, потом на варежку.

— На льду я пешком.

Аркадий принёс второй ботинок и поставил рядом с первым, носками к двери. Лида чуть не попросила проводить её до трамвая. На площадке она поставила свою старую чашку

на подоконник, чтобы натянуть варежку. За спиной щёлкнул замок. Чашку она оставила на подоконнике.

Пятница

Глава 4. Между чашками

На следующее утро после того, как купила два кофе, Вера нашла в кармане чек из кофейни. На чеке стояло 09:17. Ей казалось, что она увидела цифры, когда Лида только написала. Потом она сама вспомнила, что это было ещё раньше, а на часах в кофейне вообще не было минутной стрелки. Вера перевернула чек, попыталась вспомнить, чем расплатилась. Карта всегда лежала у неё в одном кармане, ключи в другом. Если это утро случилось как обычное, рука не могла ничего перепутать.

Чек понадобился из-за возврата. Кирилл позвонил и сказал, что с карты дважды сняли стоимость одного стакана. Вечером при закрытии смены он сверил операции и обнаружил лишнюю. Принести чек можно когда угодно, но сегодня он работает до восьми вечера. Вера спросила, долго ли им там всё разбирать. Кирилл сказал, что две минуты, если терминал захочет.

— Ты уже у магазина? — спросила она.

— Я у мусорки.

— Дождись, я подойду.

На улице она держала чек в кулаке до самого входа. Кирилл мыл руки у открытой двери подсобки. На нём был фартук с синим карманом, один край торчал наружу. Она положила чек на стойку. Кирилл вытер руки, открыл терминал. На экране появилось два одинаковых числа. Кирилл попросил приложить карту. Вера приложила и посмотрела на стол у окна. На обоих местах сидели женщины. Одна разламывала печенье, не глядя на другую. Крошки с её половины падали к чужому блюдцу. Женщина напротив удобно выставила ладонь, как если бы так и было задумано.

— Вчера кто стол вытирал потом? — спросила Вера.

— Я.

— Под салфеткой не находил карандаш?

Кирилл посмотрел, как его пальцы лежат на терминале. Долго не убирал. Потом наклонился, выдвинул верхний ящик и достал карандаш с намотанной на конце синей резинкой.

— У кассы упал, — сказал он.

Вера взяла. Карандаш был такой длины, что Лида обычно носила его в волосах, когда прядь мешала. В детстве Вера выдвинула у матери ящик с приборами, нашла под салфетками такой же, откусила ластик, чтобы посмотреть, что внутри, а потом пыталась приложить обратно. Пальцами держать не получалось. Лида попробовала приклеить кусочек кашей и спрятала его в коробке с нитками. Утром мать открыла коробку и сказала только: «Карандаши полагается точить с другой стороны». Девочки потом полчаса спорили, кому она это сказала. Вера была уверена, что Лиде.

— Если она зайдёт, скажи, что у меня, — сказала Вера.

— Кто?

— Лида. Вчера конверт принесла.

— Я слышал имя от Ники.

Кирилл потянулся к ящику, как будто там мог остаться ещё один оборот чека. Вера увидела, что телефон у него лежит экраном вверх, по нему мелко бегут слова. На самой последней строке возникло «да». Он перевернул телефон прежде, чем открылось второе слово. Вера повернула голову к женщинам у окна. Та, что ловила крошки, уже стояла в пальто. Разломанное печенье осталось на двух тарелках. Вторая поднесла к губам стакан и на секунду отставила

обратно. Первая за это время могла встать с другой стороны стола, обогнуть и выйти. Вместо этого держала сумку у самой груди и слушала.

Терминал пискнул и выдал квитанцию. Вера сунула карту в карман. Карандаш оставила сверху в сумке. Ей хотелось сейчас сфотографировать его и отправить Лиде, но представила, как та за едой откроет сообщение и начнёт объясняться. Вера сама не знала, какое объяснение от неё ждёт.

— Спасибо, — сказала она.

— Проверьте сумму в квитанции.

На квитанции стояли сто двадцать рублей. Деньги на карте появятся позже. Вера написала сестре: «Карандаш у меня. Забирай, когда удобно». До ателье успела пройти только полквартала, когда пришёл ответ. Вместо слова Лида прислала фотографию их старого стола. Вера увидела у края две дырки от новых шурупов и вспомнила, что в последней комнате стол не остался. Сестра унесла его. Зачем Лида прислала именно сейчас, Вера не спросила. Она вынула карандаш, перекинула резинку на палец и впервые за утро зашла в ателье со стороны двора.

* * *

В пятницу коробку с фотографиями переставили ближе к стене. Кирилл оступился, когда выносил мусор, плечом толкнул стол, и конверты рассыпались. Он собрал те, что были закрыты, потом позвонил Нике насчёт россыпи старых снимков. Она велела разложить их по размерам. Он разложил по людям. На одном и том же мальчике было удобно проверять, какой снимок за каким. В первый день мальчик стоял рядом с ёлкой, в следующий уже брился, а к концу плакал возле цветочного киоска. Последнее Кирилл мог себе позволить только предположить. Снимок был мелкий, и мальчик прикрыл глаза рукой от солнца.

Ника приехала к одиннадцати. В одной руке ноутбук, в другой сетчатая сумка с бельём. Она проходила мимо прачечной и собиралась по дороге обратно забрать то, что осталось с прошлого раза.

— Покажи, какие выпали.

— На подоконнике. Твоей тёти конверт целый.

— А ты помнишь мою тётю?

— Теперь отлично. Твоя мама приходила за её карандашом.

Ника локтем столкнула со стойки одноразовую крышку. Кирилл поймал её у самого пола. Они посмотрели друг на друга и оба перестали улыбаться почти одновременно. Руки у него действительно были крепкие. Вблизи её больше занимало белое сухое пятно между пальцами. Хотелось намазать его кремом. От этой мысли ей стало неловко. В голове было гораздо больше глупостей про его руки, чем она могла себе позволить при дневном свете.

Она раскрыла конверт.

Бабушка сидела у окна. Стол был накрыт белой скатертью и у края, там, где снимок кончался, кто-то держал блюдце. На подоконнике стояла пепельница. Бабушка щурилась и придерживала ворот свитера. На обороте стоял год, а ниже был оттиск фотолаборатории на улице Металлистов. Сейчас там торговали кормом для собак.

— У нас это? — спросил Кирилл.

Ника повернула снимок к окну и сравнила перегородки. Сейчас под окном была батарея с белым экраном, на фотографии решётка была широкая, чёрная. Но у нижней рамы виднелся сколотый уголок, и на окне перед ними такой же скол залили краской.

— Да. Тут раньше буфет был. Она называла это место кондитерской, хотя продавали и котлеты.

— Во сколько тогда люди приходили за котлетой?

— Спроси, во сколько они уходили. Она туда прогуливала институт.

Кирилл подвинул к окну свой стакан с водой, чтобы сдвинуть ноутбук. Под стаканом отпечатался мокрый круг. Ника подняла снимок с подоконника быстрее, чем собиралась. Угол

плотной фотобумаги порезал подушечку большого пальца. Крови почти не было, выступила только тонкая красная линия.

— Пойдём промоем, — сказал Кирилл.

— Сейчас.

Она вложила снимок в конверт. Под ним оказалась плотная бумага, о которой предупреждала тётя. Один угол загнулся. Ника расправила его и увидела край лабораторного штампа на обороте узкой полоски. Перевернула. Серая куртка, рука на блюдце, полоска белой скатерти. Снимок шириной чуть больше двух пальцев. Кирилл подал ей салфетку. Ника прижала её к пальцу и протянула ему обе части.

— Подержи за низ.

Он взял. Ника отступила к середине зала, чтобы увидеть, как соединяются края на свету. На узкой части из-за линии среза выходила вторая чашка. Из-под блюдца выступал большой палец. Ника узнала бы этот палец даже отдельно. Борис в детстве ударил его молотком, ноготь рос с поперечной бороздой. Он позволял ей трогать борозду, когда у неё в автобусе укачивало. Она знала, куда смотреть, пока автобус не останавливался.

— Это дед? — спросил Кирилл.

Она кивнула. Хотела позвонить бабушке и не нашла телефон в кармане, где он только что лежал. Потом вспомнила, что достала его, читая голосовое. Он лежал на столе экраном вниз. Она нажала на запись ещё раз. В зале, между кофемолкой и дверью, бабушка попросила оставить кусочек руки.

— А вот это было бы видно с улицы, — сказал Кирилл.

Он прижал бумагу к стеклу. Маленький край оторвался от остального снимка и сразу поехал вниз. Кирилл поймал его подбородком, пока Ника не подставила ладонь. На секунду их лица оказались так близко, что из всех возможных вещей она увидела только засохшее молоко в углу его рта. Хотела вытереть. Представила, как это будет выглядеть со стороны, и передумала. Она забрала снимки и пошла мыть палец сама.

В подсобке над раковиной висело зеркало, в которое мог смотреть человек ростом не выше полутора метров. Ника согнулась, промыла палец и сняла резинку с волос. Волосы возле затылка были влажные. Она думала, что видит Бориса примерно раз в год, и при этом могла узнать его по снимку, где от него осталось два пальца. При последней встрече он принёс её любимый торт и до конца чаепития так и не спросил, где она работает.

На столе возле зеркала лежал чек. На обороте от руки было написано «возврат 120». Под чеком была бумажная коробка с сахаром. Ника вынесла её в зал. Кирилл хотел взять, но она сама расставила пакетики в держателях и вернула пустую коробку на стол. Порез перестал кровить.

— Ты вечером здесь? — спросила она.

— До восьми. Потом иду за отцом. Он обещал, что сам дойдёт, но я всё равно зайду.

— Их по одной надо сканировать, — сказала Ника, хотя Кирилл про снимки уже ничего не спрашивал.

— Мне завтра свободно. Если ты про стулья.

— Про стулья, — сказала она. — Завтра тоже хорошо.

В прачечную она не пошла. Отнесла бельё домой, сложила у стиральной машины и села на табурет в коридоре. Написала Вере: «Я нашла вторую часть. Тебе показать?» Вера звонила через минуту. Ника слушала звонок до конца. Потом вытащила обе фотографии, разложила на полу и сделала один снимок так, чтобы внизу остались два её голых колена. Колени она обрезала. Руку Бориса оставила.

Глава 5. Низкое разрешение

В пятницу Ника больше не открывала сообщение матери. Знала, что оно есть. Если открыть, придётся решить, куда отнести два разных снимка, а у неё был готов ответ только про печать. Пока она сортировала файлы, дочь женщины, которая когда-то держала фотокружок, прислала голосовое. Звали её Инга. Ника видела её два раза, оба раза та пришла за чем-нибудь уже после закрытия. В голосовом сказала, что собирается занести ещё несколько снимков. В пять, в кофейню, если там кто-нибудь будет.

Ника написала, что сама придёт за ними домой. Инга сразу перезвонила.

— Ты точно одна?

— Я же за фотографиями.

— Могу дома подождать. Только у меня тут кран плохо закрывается, я всё время встаю.

Дом был тот самый, где Лида однажды снимала комнату, до Аркадия. У подъезда лежала выброшенная дверца от тумбочки. На ней отпечаталось что-то круглое, будто много лет ставили одно блюдце. Ника подняла дверцу, прислонила к урне, чтобы не ездило под ногами.

Поднялась пешком. Третий этаж пах кипячёным бельём, на четвёртом пахло луковой шелухой. Инга впустила её в стоптанных мягких туфлях. Из стены в коридоре торчал один шуруп. Под ним карандашом был нарисован прямоугольник, чуть-чуть не по уровню.

— Здесь зеркало будет? — спросила Ника.

— Было. Теперь голова приклеилась в другом углу.

Она сказала это серьёзно. Ника увидела в кухне зеркало, упёртое в коробку с крупой. Отражалось пол-лица Инги, когда та подходила к столу. Чтобы увидеть целое, ей пришлось бы присесть.

Инга разложила четыре конверта. В каждом лежало ровно по три снимка, кроме синего, где был один. На нём из окна дворовой комнаты виднелся угол старого театра. Ника узнала стену. Половину стены сейчас закрыли строительной сеткой.

— Кто снял?

— Мать. От окна. Она сидела почти тут. Стол тогда стоял другим концом.

Инга показала дыру на линолеуме от ножки. Ника приблизила к ней носок, сравнила с фотографией. Стол мог стоять действительно там. На старом снимке часть стены сделалась чёрной, зато возле форточки виднелась тёмная голова. Голова принадлежала человеку, который смотрел из окна наружу. Его почти наверняка не замечали, когда смотрели на фотографию с бумагой в руках.

— Она любила снимать через стекло, — сказала Инга. — Решала, будет человек виден или нет, уже после. Говорила, что так он по крайней мере успеет сделать что хотел.

Ника попросила фотографию на время. Инга достала из ящика письмо от клуба, положила на его оборот снимок и расписалась, что разрешает сделать копию для выставки. Написала «копию» очень крупно. Поставила дату. Потом добавила, что имя матери в подписи можно оставить без отчества.

— В конверте, который ты посмотрела, была раньше ещё одна бумажка, — сказала она. — Может, ты поймёшь, что это. Я час смотрела, мне казалось, расписание.

Достала квитанцию из гардеробной. По тыльной стороне шариковой ручкой было написано: «Подержи до 19». Ника перевернула. На лицевой был номер 9, штамп старого кружка и нарисованная от руки дуга. Она сказала, что похоже на инструкцию для кого-то, кто остался дежурить. Инга подумала и спросила:

— Почему он мог оставить ей это в кармане?

— Потому что у неё руки были заняты.

Инга убрала квитанцию. Ника поняла, что дала ей ответ случайно, не спросив, о ком вообще идёт речь. Ей хотелось вернуть слово. Инга уже задвигала ящик.

На обратном пути Ника остановилась на лестнице. Внизу хлопнула дверь. В её собственном кармане до сих пор лежал пластырь, который она взяла возле раковины в кофейне. Порез был почти незаметный. Она наклеила пластырь на палец, потому что пальцу так и так требовалось что-нибудь, чего можно хотеть недолго. Потом медленно спустилась, сфотографировала изнутри окно на четвёртом этаже и записала в заметках: «У выходящих всегда другая сторона дома».

Она пришла домой в четыре. На столе был сканер, одолженный у матери. Ника воткнула шнур. Проводка выдержала, компьютер нашёл устройство с третьего раза. Первый скан был бледный. Второй показал маленький фрагмент лица возле форточки. С поднятой бровью, с открытым ртом. Его могло вообще не быть на снимке, если бы Ингина мать опустила аппарат на полпальца. Ника нажала «сохранить», закрыла крышку и впервые за день ответила матери:

«Нужен нормальный свет. Покажу тебе обе».

* * *

Ника знала, что утром заказала печать слишком большого формата. Мастер сказал об этом сразу. Она попросила всё-таки проверить на одном снимке, получится ли сохранить белое поле. В копировальном центре бумагу держали под потолком, стойка упиралась верхней перекладиной в короб с лампами. Мастер встал на опрокинутое пластиковое ведро и полез за большим рулоном. Ника видела, что ведро уже треснуло возле ручки. Подставила ногу к нижнему краю. Мастер сверху сказал:

— Вы уберите. Если я упаду, я вам пальцы отдавлю.

Она убрала. Он достал рулон, спрыгнул и сперва глянул на её ботинок. Потом сел за стол. Ника разложила перед ним фотографии из Ингиных конвертов и несколько собственных. На её снимке у окна была бабушкина рука. У пальцев лежала тряпка. Человек, который видел Зою впервые, мог подумать, что она собирается протереть стекло. Ника знала, что тряпка лежала там весь день и что Зоя брала её только тогда, когда открывала форточку. Иначе обжигалась, даже об холодную раму, потому что у неё стягивало пальцы.

Мастер спросил, какой отпечаток пробовать. Ника передала руку. Он положил в лоток, выбрал рамку, посмотрел, как оттуда медленно вытягивается бумага. Цвет вышел хуже, чем на экране. Стекло было очень белым. Кожа вокруг ногтя почти синяя.

— Я могу подогреть, — сказал он. — Тут свет холодный поэтому.

— Так и было.

Он остановил принтер. Отделил белый край и протянул Нике длинный лист. На обороте был номер заказа и телефон. Она села у двери и приложила лист к фотографии Бориса. У обоих на пальце темнела маленькая тень. Ника думала, что всё время делает снимки про людей, которые друг к другу не поворачиваются. Единственный раз в году бабушка сама позировала перед её объективом. В прихожей, в старой кофте, и тогда Ника не сняла, потому что телефон был занят письмом от Кирилла. Кирилл написал, что переставил стол. Ей хотелось поверить, что эти два дела всегда можно будет сделать в любом порядке. Теперь она спрашивала у бабушки, не помнит ли та, какую кофту надевала тогда.

В телефоне ждало голосовое от женщины в сером фартуке. Флорист спросила, что сделать с отдельным цветком. Ника ещё в четверг просила оставить один белый. В четверг Ника заходила к ней по поводу цветов и оставила ещё один номер. Она просила поставить один белый цветок в стороне от остальных, если придёт женщина, которая выбирала ветки для театра. Ника хотела поблагодарить Марту за разрешение посмотреть записи. Флорист сказала, что отдельный цветок никто пока не обещал брать. Ника без желания призналась, что сама особенно не просила. Надеялась, что та узнает.

— С запиской? — уточнила женщина на голосовом.

Ника долго смотрела на экран, потом записала:

— Скажите, пожалуйста, если заберёт, что от Ники. Если не захочет, оставьте у себя.

Она выключила телефон и забрала рулон. Внизу, прямо возле дверей копировального центра, кормила птиц женщина в вязаной шапке. Городской голубь ходил вокруг неё кругами, а другой уже разучился бояться ступней. Женщина уронила кусок и потянулась за новым, потому что тот был весь в песке. Ника подержала ей сумку. Узнала собственную пыль на чёрном рукаве.

На остановке Ника написала Аркадию, что нужна белая ткань. Он спросил, ответила ли Лида. Ника прислала размер ткани и время открытия. До трамвая оставалось две минуты. Она свернула пробный отпечаток в рулон. Снаружи всё равно остался виден Борисов большой палец.

* * *

Ника вернулась к Инге не за снимками. У Инги из дворового окна выходил наружу шнур. Первый раз Ника приняла его за провод от гирлянды. Сейчас, разглядев поближе, спросила, зачем его перевесили. Инга вышла на лестничную клетку с пакетом и сказала, что шнур вовсе не её. У нижнего соседа больше десяти лет стояла маленькая антенна, и он протянул её наверх с разрешения матери. Когда у них в квартире закончили ремонт, выяснилось, что провод замуровали на наружном откосе. Сосед всё равно иногда звонит спросить, что слышно.

— И что слышно?

— Ветра много. Я ему так и говорю.

Инга позвала Нику в кухню, чтобы дать ей большую папку. Там оставалась карточка с разрешением от матери, написанная за много лет до смерти. Инга достала её из конверта только после того, как Ника спросила, действительно ли на выставке можно подписать фото. Бумага была похожа на оборот открытки. Сверху стояло «Мне всё можно». Ниже — «Остальным пусть каждый сам решит». Ника перечитала. Инга сказала, что это шуточное разрешение. Они делали это дома, когда она была маленькая, рядом лежало ещё несколько. На одном карточку попросили зачеркнуть, потому что там стол с бутылкой. Инга не помнила, кто именно попросил.

На кухне кран капал в пустую чашку. Инга подставила под носик чайную ложку. Стало тише.

— Я как-нибудь послушаю у лестницы, — сказала Ника. — На последней дорожке у Сони могло быть слышно не только в комнате. Там из другого места звук приходит.

— А ты спрашивала, зачем она записывала?

— Соня?

— Мама. Она всё время говорила, что хочет знать, сколько длится дело. В старом доме сделала на стене пять пометок, где кончаются голоса соседей. Мне казалось, это смешно. Теперь всё время хочется знать, с какой из этих стен она начинала.

В синем конверте лежал единственный снимок. Ника решила взять его вместе с карточкой и открыла заметки, чтобы записать, когда они договорились.

— Она всегда так делала, — сказала она. — Я всё думала, к кому она собирается. Потом поняла, что сама.

Ника попросила воды. До вечера они разбирали фотографии. Инга называла годы и адреса. Название старого переулка Ника расслышала со второго раза. Инга произнесла его медленнее и повторила номер дома.

* * *

У Ники и Кирилла однажды уже стояла фотография на этом подоконнике. Тогда они только начали вместе ездить к старому зданию театра. На снимке было открытое окно над кухней, почти под потолком. Кирилл засунул фотографию в рамку, которую нашёл дома. Ника рассердилась, потому что он обрезал нижний край, а там было видно, что под окном стоял

ещё один человек. Кирилл ответил, что там одна макушка, никакого человека целиком. Ника в тот вечер не спорила. Забрала фотографию, вытащила из рамки. Он спросил, почему она уезжает. Она ответила, что надо рано проснуться. В трамвае, когда оставалось ещё три остановки, написала ему, что дело в другом, но потом всё стёрла, даже не набрав «давай поговорим».

Теперь, в пятницу, она вынула фотографии из копировального центра и пошла к нему. На тротуаре наледь сама раскололась на маленькие пластинки. При движении под ботинками был звук, как будто кто-то специально шуршит бумагой. Когда она зашла, Кирилл вынимал из машины коробку, привязывал к верхней крышке второй кусок скотча. Она поставила снимки возле кассы. Он поднял глаза, увидел, что на подоконнике у неё один пробный отпечаток уже стоит открыто, и спросил, хорошо ли вышло.

— Я ещё не решила.

Ника положила снимок перед Кириллом. Он задержался на руке у блюдца и перевернул лист. Оборот был чистый. Он снова повернул снимок лицом к себе.

— Могу подержать, если ты хочешь посмотреть со стороны.

Ника отошла к двери. Отсюда уже не разглядеть царапину на ногте и место среза. Она придвинула лампу, и край снимка проступил. Кирилл сощурился. Ника убавила свет.

— Ты тогда ту фотографию где оставил? — спросила она.

— Которую обрезал?

Он ответил раньше, чем поставил печать на стол. Оказалось, рамку всё ещё держит у себя. Фотографии нет. Она у Ники должна быть.

— Рамку принеси, пожалуйста, — сказала Ника. — Я попробую тут, если подойдёт.

Нижний угол листа начал загибаться. Ника придержала его со своей стороны. От Кирилла пахло холодом. Он спросил, взяла ли она ключ после копировального центра.

Она отпустила лист.

— Взяла свой. От кафе у тебя.

Он сказал, что знает. Отодвинул раму от лампы и ушёл за стойку. Ника завернула снимок в бумагу. Вечером она покажет его матери.

Глава 6. Запас

В пятницу после утренней примерки Вера осталась одна. Клиентка забрала юбку и пустой стаканчик. Вера сняла со стола нитку от манжеты и выдвинула нижний ящик.

Там лежали вещи, за которыми люди собирались вернуться. Две пуговицы в аптечном пакете, ремень, часы с треснувшим стеклом. Лида иногда вынимала оттуда что-нибудь и говорила: «Скажи мне правду. Как долго ты будешь за него держаться?» Потом складывала обратно. У неё самой дома было три комплекта ключей от мест, куда она давно могла войти только с чужого разрешения.

Сегодня сверху лежал плоский конверт с надписью «Инге». Инга в начале недели принесла старое пальто перешить для себя. Когда Вера вывернула левый карман, там нашлись билет из раздевалки и ключ с пятном зелёного лака. С платьями и пиджаками люди перезванивали прямо на следующий день. Инга написала сразу, но спросила только про билет. Вера ответила, что всё вынула, положила отдельно.

В десять двадцать Инга опять написала:

«Можно я заберу только карман?»

Вера перечитала и решила, что женщина ошиблась словом. Потом посмотрела на пальто. Разошедшийся шов у подборта, кое-где шерсть уже сваливается, под локтями ткань сухая и почти прозрачная. Перешить можно. Можно ещё пришить старый карман поверх нового пальто и каждый раз, вынимая ключи, видеть, как из-под новой ткани торчит кусочек другой жизни.

«Приезжайте после двух. Посмотрим, что можно сделать».

У неё были заказы на восемь дней вперёд. На журнале они размещались ровной полосой, по три строчки на страницу. Стоило открыть сообщения, заказы набегали с двух сторон, один просили ускорить, другой перенести, третий делался будто сам по себе. Вера взяла телефон и позвонила Нике. У дочери звонило до конца, потом раздалось её «мам» вполголоса.

— Ты где?

— У окна. Сейчас могу.

Вера слышала, как на той стороне шумит вода. Разговор у Ники почти всегда начинался с «могу», когда она держала в руках что-нибудь ещё.

— Ты точно берёшь бабушкин снимок? — спросила Вера. — Не окажется, что ты его повесила где-нибудь над батареей?

— Не окажется.

— А кто тебе сказал, что можно брать оригинал?

— Я попросила тётю забрать. Потом верну.

Вода на той стороне стихла. Вера подумала, что дочь над раковиной вытирает телефон тем полотенцем, которое ей велели использовать для рук. Не успела решить, почему это показалось важным, как Ника спросила:

— Ты ей так и не сказала, что можно самой прийти?

— Кому?

— Бабушке.

— А она к тебе сама обращалась?

— Она спросила, куда вешать фотографию, если будет солнце. Я сказала, что у окна есть место с краю.

Вера увидела под стулом прилипшую к полу полоску бумаги. Поддела носком, полоска свернулась и упала обратно. Мать раньше говорила про солнечный свет, когда хотела выяснить, с какой стороны здания дверь. Никогда прямо не спрашивала. В детстве Вера считала, что

родилась в городе, где все двери устроены по-разному, хотя мать просто не любила, когда за неё решают, откуда она войдёт.

— Я могу её привезти, — сказала Вера.

— А ты сама хочешь?

Вера переставила коробку с нитками, накрыла старым полотенцем утюг, хотя он ещё не остыл.

— Я могу.

Ника сказала, что нужно закончить разговор, и повесила трубку. Вера сняла с утюга полотенце. На ткани уже осталось сухое бурое пятно. Она сложила полотенце на четыре части, пятном внутрь, и перешла к следующему заказу.

К двум снег так и не пошёл, но воздух возле дверей сделался белым. Инга пришла через десять минут после обещанного времени. Была в куртке, из рукавов торчали руки до косточек. Вера вынула пальто из пакета и положила на стол. Инга сразу повернула его подкладкой к себе.

— Это я передумала, — сказала она. — Мне кажется, если я буду его носить, всё время буду проверять, как оно на мне сидит у груди. У неё там было совсем по-другому. Лучше я карман возьму.

— Зачем?

Вопрос вышел быстрее, чем Вера успела придумать, как его обойти. Инга поправила край рукава и сняла с него нитку.

— У меня мама такси вызывала только по телефону. Сервис записывал, с какого номера звонят. Ей один раз водитель принёс вещь, которую она у него в машине забыла. Потом в том же кармане я нашла его записку. Она держала её там лет пять. А когда пальто досталось мне, переставила к себе в сумку и не помню куда. Как будто человек опять за ней заедет, а я всё перепутала.

Вера выдвинула ящик, протянула конверт. Инга вынула билет и ключ. Ключ взяла двумя пальцами, будто хотела показать Вере зеленоватое пятно, но потом просто спрятала в карман куртки. Билет был из небольшой частной гардеробной при фотокружке, который давно не работал. Вера когда-то печатала на обороте таких билетов примерки, когда в книжке заканчивалась бумага.

— Мы с ней похожи? — спросила Инга.

— По крайней мере, в этом пальто я её не видела.

— Я тоже толком не видела, пока она в это пальто не влезет. Мы утром жили каждая в своей комнате. Потом она уходила.

У Веры на столе был острый распарыватель, которым ещё утром задела кожу возле ногтя. Она повернула пальто, раздвинула подкладку и подрезала первый стежок. Инга держала ткань под рукой и старалась не натянуть слишком сильно. Шов оказался из двух разных ниток. Сверху чёрная машинная, снизу серая, пришитая вручную. Вера по привычке потянулась выправить шов, потом остановилась и стала распускать быстрее.

— Карман и снаружи тёмный, — сказала она. — На другой ткани будет видно.

— Я знаю. Я к себе дома со стола уберу кое-что. Положу его под стекляшку. Будет видно из-под неё, когда я сяду.

Вера прочистила угол, вывернула мешковину. На дне осталась тонкая полоса бумажного ворса. Она могла убрать её щёткой. Инга уже взялась за край. Вера вытащила ткань из-под ладони и положила перед ней.

Инга завернула карман в бумагу. Вышла на улицу и почти сразу вернулась за билетом. Тот лежал рядом с кассой. Вера подняла его, отдала и спросила:

— А ключ-то случайно не от моего ателье?

Инга впервые за весь разговор улыбнулась. Вынула ключ, перевернула и показала вторую сторону. Там была такая же зелёная точка, едва заметная. Лида красила этим лаком все запас-

ные ключи, когда работала у Веры по субботам. Лак нашёлся в её сумке. Маленький пузырёк давно загустел, и Лида разводила его каким-то жутким средством, от которого потом три часа пахло возле окна.

— Вам этот ключ дали?

— Зоя дала маме. В морозы, когда она ждала такси у ворот. Мама говорила, что вернёт. Вот и вернула, считай.

Вера взяла ключ и попробовала повернуть его в наружном замке. Ключ вошёл. Повернулся. Она привыкла думать, что второй был у Лиды. Однажды Лида сказала, что запасной носит мама, потом снова сказала, что он у неё. Вера вернулась к столу, записала в журнал, что Инга забрала карман, и попросила оставить ключ у неё. Инга согласилась. Уже возле двери обернулась:

— Я могу сначала маму вашу спросить, если надо.

Вера покачала головой. Когда Инга вышла, она положила ключ возле лампы. В раковину вылила свой остывший кофе. Пока мыла блюдце, вспомнила, что так и не позвонила матери.

* * *

В пятницу в театре Клара Павловна сама отыскала старый список детей. Листы лежали сверху, сразу за графиком ночных дежурств. На третьем чьё-то имя начиналось на одной странице, фамилия стояла на соседней. Листы соединили скрепкой, чтобы не переставлять вручную. Скрепка проржавела, от угла отвалился кусок бумаги. Клара Павловна подняла, подержала в ладони и позвонила Соне.

— Там вам подпись нужна к фотографии?

Соня спросила, какой именно фотографии. По голосу было ясно, что человек держит трубку плечом и собирается освободить руку. Клара Павловна уже хотела пересказать, что нашла, но вспомнила, как в прошлом году Соня ей дважды показала, что видит то же самое, только читает медленнее. Положила лист на стол. Поднесла камеру. Одна рука оказалась в кадре. Ей не понравилось, как выглядит кожа возле большого пальца, но переснимать не стала. Отправила.

Через минуту из старой раздевалки позвала Марта. Нужно было передвинуть зеркало. Ножка у зеркала треснула, если держать за угол, стекло заваливалось. Клара Павловна вошла. У Марты на столе лежал ещё один список, уже новый. Она записывала туда, кто сегодня разрешил использовать фото. Клара Павловна спросила, где она сама. Марта указала на пустое место под своим именем.

— Здесь можно оставить без подписи, если вам не хочется.

— Я б подписала. Только пусть знают, что я не актриса.

Марта набрала в телефоне новое слово вместо прежнего. Клара Павловна встала по другую сторону стекла, подперла снизу. Обе смогли перенести его только в два приёма. Едва поставили, снаружи у запасной двери раздался стук. Кто-то попробовал открыть и дёрнул слишком сильно. Клара Павловна подождала. Стук повторился, дверь никто не открыл. Там, когда стоял деревянный настил, из соседней комнаты слышно было шаги по всему коридору. Сейчас стук в старом здании вылетал сквозь лестницу вниз. С улицы кажется, будто стучат совсем с другой стороны.

— Может, снова на рамы приехали? — спросила Марта.

Клара Павловна подошла к двери. Дёрнула ручку. За дверью оказалось пусто. Внизу шёл мужчина в светлом пальто с тростью. Он не мог дойти до ступеней так быстро, если стучал сам. Она наклонилась, увидела, как на косяке с двора осталась почти белая полоса. Ветер бил вытянутым куском провода в железный короб. Через дверь отдавался весь его ход. Клара Павловна сдвинула провод, чтобы легче было входить, закрыла обратно.

Марта уже долго смотрела на своё отражение. В их зеркале не было видно ни верха, ни пола. Подправила волосы. В детстве перед спектаклем у Марты закалывали волосы наглухо,

чтобы выглядело, будто она может сыграть вообще кого угодно. Лида пришла в пиджаке сестры, с короткой стрижкой, и обиделась, когда Клара Павловна предложила ей зачесаться. Марта в тот день сама подошла к Лиде и отдала свою расчёску. Потом следила, как Лида идёт с расчёской в руке в другую гримёрку. Клара Павловна помнила довольно много, в основном по тому, кто возвращал её вещи, кто забывал.

— Мы там тогда с Лидой поменялись? — спросила Марта.

— Два раза.

— Я думала, один.

Клара Павловна подставила под треснувшую ножку сложенный лист от упаковки. На листе проступили чужие буквы. Теперь зеркало стояло чуть выше. Она сказала Марте, что второй раз поменялись уже после перерыва, потому что режиссёр не успела отыскать бумагу на первой стороне. Она сама тогда сделала пометки на обороте, просила только показать, у кого что читается. Марта кивнула, как будто от неё опять ждали ответа. Клара Павловна уже не знала, какой именно был нужен.

В нижнем ящике Марта нашла немного подкладки. Вытащила и попросила Клару Павловну подержать край. Они раскладывали подкладку на полу семь минут. Клара Павловна засекла время, потому что с тех пор, как она разрешила людям звонить ей по дороге домой, любое дело внезапно можно было разделить на части. Пять минут уходит на иглу, семь на ткань, до девяти решаешь, кто будет закрывать. Когда Марта наконец сложила подкладку, Клара Павловна поставила уже пустую коробку на стул и села на соседний.

— И кого ты тогда ждала? — спросила она.

Марта подняла из коробки лоскут с буквой «М». Клара Павловна сказала, что это, наверное, «малая сцена». Или молния. Марта засмеялась. Она ведь годами считала, что «М» — это про неё. Она бросила лоскут обратно и написала Соне, до которого часа можно будет прийти в воскресенье.

Глава 7. Шесть маленьких

Сообщение от дочери Вера прочитала в примерочной, пока женщина по другую сторону занавески затягивала на себе платье. Помогать она отказалась. Слышно было дыхание, треск подкладки и короткое «сволочь». Вера на всякий случай поставила коробку с булавками подальше от зеркала.

На фотографии у матери волосы торчали возле уха. Вера помнила эту причёску по совсем другому снимку. Они собирались в парк, и мать полчаса сушила голову феном. Борис сидел на лестнице и грыз яблоко, удерживая между коленями раскрытую книжку. Лида вытащила у него яблоко, откусила и вернула. Тогда ей казалось, что человек всегда откусит с другой стороны и вернёт яблоко.

«Где нашла?» — написала Вера.

«В конверте. Просто лежала под большой».

Занавеска открылась. Женщина держала у груди края платья. Вера увидела в зеркале её мокрое лицо и бессмысленно спросила, тесно ли в талии. Женщина села на стул, распустила платье и попросила дать ей пять минут. Вера вышла. Вернуться хотелось через тридцать секунд. Через две минуты она сумела занять себя: отпарила подол соседнего заказа, пока не обожгла запястье. На четвёртой минуте услышала из примерочной:

— Вам платье отдать? Или я так и пойду?

Женщина сама засмеялась, когда Вера раздвинула занавеску. Шов разошёлся где-то под рукой, и теперь платье легко снималось. Они решили, как расширить его в груди. Женщина записала время на следующую неделю, выпила стакан воды и ушла, оставив под стулом бумажный пакет. В пакете были туфли такой высоты, что Вера даже сидя подвернула бы на них ногу.

Вера позвонила клиентке. Потом открыла переписку с Борисом. Последнее сообщение было её: «Да, торт забрала». Под ним четыре месяца. Она нажала значок звонка и быстро положила телефон на стол, чтобы успеть услышать первый гудок, прежде чем ей захочется сбросить.

— Ты по делу? — спросил Борис.

— В воскресенье у Ники выставка. Фотографии района. В кофейне на углу. Помнишь, где кондитерская была?

— Где у них зимой окно замерзало изнутри?

— Там.

Он помолчал. Вера услышала, как заскрипел бумажный пакет. Она представила, что он покупает хлеб и держит телефон плечом, хотя Борис мог с тем же успехом собирать мусор.

— Там вывешивают фотографию мамы, — сказала она. — Старую. Ты на ней тоже есть отчасти.

— Это с чашкой?

— Да.

— Она у неё была. Я думал, выбросила.

Вера хотела сказать про отрезанный край, но ей показалось, что сразу после этого придётся спросить, зачем. Однажды она пыталась спросить его, почему он ушёл. Он сказал, что мать, наверное, уже рассказала. С матерью они тогда не разговаривали неделю.

— Ты можешь просто прийти. В семь. Никого заранее предупреждать не надо.

— У Ники телефон прежний?

— Прежний.

Он сказал, что позвонит сам. Она услышала звук закрывающейся двери и успела попросить его говорить громче. Он повторил, что позвонит. Ей вдруг захотелось ещё подержать его на линии, чтобы узнать, где он был и что шуршало. Но оба уже сказали «давай».

Из ателье Вера вышла с пакетом туфель. Клиентка попросила оставить в цветочной мастерской: она работала в магазине рядом и могла зайти после закрытия. За стеклянной дверью висела табличка «Здесь можно передумать». Под ней с внутренней стороны скотчем закрепили листок «Пожалуйста, закройте за собой». Вера придержала дверь ногой, пока пропускала курьера с большой картонной коробкой. На крышке был нарисован вверх ногами зонтик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.